
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ CIVIL LAW (PRIVATE LAW) SCIENCES

*Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2026. Т. 11, вып. 1. С. 24–29. ISSN 2618-8236 (print).
Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2026;11(1):24-29. ISSN 2618-8236 (print).*

Научная статья

УДК 347.9

DOI: 10.47475/2618-8236-2026-11-1-24-29

Конституционные основы российского правосудия

Евгений Николаевич Кузнецов

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
Corben2002@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7787-0328*

Аннотация. В статье анализируются общие подходы к понятию правосудия, приводится авторское видение сущности правосудия на современном этапе. Исследованы целевые установки правосудия как специфического вида государственной деятельности. Выявлены отличия в целях судопроизводства в цивилистических процессуальных кодексах. Отмечена нечёткость в формулировании целей и задач правосудия в процессуальных законах: защита прав, свобод и законных интересов, выступая задекларированной целью правосудия, определяется как одна из задач судопроизводства. Сделан вывод о недопустимости размывания цели правосудия. В контексте целевых установок судопроизводства проанализирован вопрос о роли механизмов принудительного исполнения. Сделан вывод о том, что в современных условиях целью правосудия фактически выступает вынесение судом судебного акта и его вступление в законную силу. Рекомендовано уделять особое внимание вопросам добровольности исполнения судебных актов, вступивших в законную силу. Выявляются аспекты взаимодействия материальных правоотношений и процессуальных правоотношений. Формулируются авторские выводы о том, что деятельность по отправлению правосудия формализует спорные материальные правоотношения, а процессуальные правоотношения показывают свою жизнеспособность только через рассмотрение судом дела. Сформулирован вывод о том, что одним из условий правосудия является реализация субъективного материального права. Рекомендовано учитывать особенности реализации материальных правоотношений, осложнённых наличием спора, реализации права кредитора на добровольное исполнение обязательств. Выявлены отличия в целях судопроизводства с точки зрения суда и лиц, участвующих в деле.

Ключевые слова: правосудие, судопроизводство, правоотношения, право на исполнение, цель защиты, цели судопроизводства, исполнение обязательств, исполнение судебных актов.

Для цитирования: Кузнецов Е. Н. Конституционные основы российского правосудия // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2026. Т. 11, вып. 1. С. 24–29. DOI: 10.47475/2618-8236-2026-11-1-24-29

Original article

Constitutional Foundations of Russian Justice

Evgeny N. Kuznetsov

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
Corben2002@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7787-0328*

Abstract. The article analyzes general approaches to the concept of justice, provides the author's vision of the essence of justice at the present stage. The article examines the objectives of justice as a specific type of state activity. The differences in the purposes of legal proceedings in the civil procedural codes are revealed. The ambiguity in the formulation of the goals and objectives of justice in procedural laws is noted: the protection of rights, freedoms and legitimate interests, acting as a declared goal of justice, is defined as one of the tasks of judicial proceedings. The conclusion is made about the inadmissibility of blur-

ring the purpose of justice. In the context of the objectives of the judicial proceedings, the question of the role of enforcement mechanisms is analyzed. It is concluded that in modern conditions, the purpose of justice is actually the issuance by the court of a judicial act and its entry into force. It is recommended to pay special attention to the issues of voluntary execution of judicial acts that have entered into legal force. The aspects of the interaction of material legal relations and procedural legal relations are revealed. The issues of mutual influence of branches of substantive law and procedural law are investigated, the author's conclusions are formulated that the activity of administering justice formalizes disputed substantive legal relations, and procedural legal relations show their viability only through the consideration of a case by the court. The conclusion is formulated that one of the conditions of justice is the realization of subjective substantive law. It is recommended to take into account the specifics of the implementation of material legal relations complicated by the presence of a dispute, the realization of the creditor's right to voluntary fulfillment of obligations. Differences have been identified in the purposes of legal proceedings from the perspective of the court and the parties involved.

Keywords: Justice, legal proceedings, legal relations, the right to enforcement, the purpose of protection, the purpose of legal proceedings, the fulfillment of obligations, and the enforcement of court decisions.

For citation: Kuznetsov EN. Constitutional Foundations of Russian Justice. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2026;11(1):24-29. (In Russ.). DOI: 10.47475/2618-8236-2026-11-1-24-29

Конституционные основы российской государственности трудно переоценить. Те установки, которые внедряет Основной закон нашего государства в регулирование общественных отношений, являются базовыми, предопределяющими дальнейшее воздействие права на них. Не исключением являются и фундаментальные аспекты российского правосудия, установленные в Конституции Российской Федерации.

Конституционные основы российского правосудия заложены в следующих статьях Основного закона: в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией (ст. 17); все равны перед законом и судом (ст. 19); государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется (ст. 45); каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ст. 46); никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ст. 47); правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом (ст. 118) и др.

Как представляется, одним из существенных вопросов воздействия конституционных норм на современное российское правосудие выступает осмысление того, что же представляет собой правосудие как государственная деятельность с точки зрения целевых установок. Иначе говоря, что выступает подлинной, фактической целью правосудия, что понимается под государственной защитой прав и свобод человека и гражданина по статьям 45 и 46 Конституции.

Анализ имеющихся в правовой доктрине мнений о сущности правосудия показывает, что одним из важных аспектов является именно целевой характер деятельности по отправлению правосудия, по-

скольку от ответа на данный вопрос во многом зависит подлинная эффективность судопроизводства.

Как указывает С. А. Курочкин, цель является основой оценки эффективности любой системы, она объединяет множество элементов единым смыслом [2, с. 76]. Тот же автор указывает, что совсем не очевиден ответ на вопрос о том, каковы же сегодня цели гражданского судопроизводства. Достижение цели является содержанием и мерой эффективности деятельности вообще и управления в частности [3, с. 6].

М. Ю. Лебедев под целью правосудия понимает воплощение идеально выбранного судом в данном конкретном случае средства и механизма судебной защиты нарушенного и/или оспариваемого права в конкретный результат, опосредованный в судебном акте [4, с. 12].

Однако не подменяется ли при таком подходе цель (как некое абстрактное состояние по итогам достижения чего-либо) средством (механизмом) её достижения? При этом достижение цели приравнивается к вынесению судом соответствующего судебного акта, завершающего деятельность по отправлению правосудия в конкретном деле.

Обращаясь к законодательной регламентации, можно увидеть, что целевые установки деятельности по отправлению правосудия сформулированы по-разному в зависимости от вида судопроизводства.

В гражданском процессе целью является защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов тех гражданских правоотношений, которые входят в компетенцию судов общей юрисдикции (ст. 2 ГПК РФ), что соотносится с положениями статей 45 («Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется») и 46 («Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод») Конституции РФ.

В арбитражном судопроизводстве единая цель не выделена, а защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов публичных органов власти определена как одна из задач судопроизводства. При этом анализ всех задач, установленных в ст. 2 АПК РФ, показывает, что все они так или иначе нацелены на достижение единой миссии — обеспечить защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, являясь способами её достижения. Такое предположение разделяется и другими авторами: задачи арбитражного судопроизводства определяются целями судебной деятельности, будучи направленными на обеспечение судебной защиты как главной цели правосудия и результата функционирования судебной системы [1, с. 7–8]. Таким образом, АПК подменяет основания, характеризуя судебную защиту не как цель, а как одну из задач, поскольку и обеспечение доступности правосудия, и справедливое публичное судебное разбирательство, и укрепление законности, и иные задачи, указанные в АПК, нацелены именно на судебную защиту.

Существуют мнения о том, что целью гражданского судопроизводства является устранение в обществе правовых конфликтов, аномальных проявлений общественных отношений, поддержание правопорядка, реализация охранительных отношений [2, с. 76]. При этом осуществление материальных прав ценно только для их субъектов, а для государства является средством поддержания правопорядка. По этой причине следует учитывать и частные, и публичные интересы [6, с. 36].

Действительно, у каждого из участников процессуальных правоотношений свои целевые установки, свой контекст участия в судопроизводстве.

Для суда вопросы защиты прав, свобод и законных интересов, безусловно, важны, но не более, чем отправление правосудия как государственной функции, рассмотрение дела и вынесение судом решения по делу.

При этом вполне очевидно, что для участников материальных правоотношений справедливое судебное разбирательство, своевременное и правильное рассмотрение и разрешение дела, как правило, не столь существенны, как вынесение в пользу конкретной стороны соответствующего её интересам судебного решения.

Учитывая весь спектр доктринальных подходов к целевым установкам правосудия, следует признать, что процессуальное право с точки зрения законодательного регулирования не способствует реальному достижению задекларированных в Конституции и процессуальных кодексах целей правосудия. Регламенты подлинного обеспечения целевых установок судопроизводства фактически отсутствуют.

В процессуальных кодексах установлен порядок рассмотрения и разрешения судом дел спорного и бесспорного характера, но отсутствие чёткого и единообразного понимания структуры правовой защиты, её искусственная ограниченность в научных трудах преимущественно судебным порядком, определение её только через совокупность гарантий предопределяют недостатки системы правовой защиты, выражающиеся в том, что не выстроена чёткая и строгая связь между судебной защитой в собственном смысле слова и необходимостью её доведения до логического завершения как через призму принудительного, так и добровольного исполнения судебных актов.

Иными словами, процессуальные кодексы, помимо установления порядка отправления правосудия, не гарантируют судебную защиту, реализуемую соответствующим участником таких правоотношений, хотя декларируют обратное.

Вынесенное решение суда, вступившее в законную силу и приобретшее в этой связи свойство исполнимости, по смыслу доктринальных подходов, должно как-то само собой исполниться. При этом система исполнения судебных актов, гарантированная государством, включает в себя только принудительный порядок, а система гарантий обеспечения реализации права на добровольное исполнение судебных актов попросту отсутствует.

В данной связи целесообразно проследить механизм реализации субъективного материального права (сквозь призму целевых установок судопроизводства) в случае возникновения сложностей в его осуществлении.

Материальное право предопределяет «правила игры», т. е. устанавливает основания, порядок и условия, при которых будет жизнеспособно соответствующее материальное правоотношение и, как следствие, реализация субъективного материального права. При этом вопросы реализации последнего с необходимостью требуют обращения к вопросам его структуры. С. С. Алексеев, в частности, в её содержание включал право-правомочие (право действовать по своему усмотрению), право-требование (право предъявить обязанному лицу условие о необходимости соблюдения права управомоченного лица) и право-притязание (право обращаться в компетентные органы власти за защитой нарушенных прав) [5, с. 49].

Следовательно, изначально закон предоставляет какому-либо лицу использовать какие-либо возможности, закрепляет за ним то или иное субъективное материальное право. В случае если, по мнению субъекта данного права, данное право нарушается, он может просить о его защите через уполномоченные органы судебной власти, в том числе просить о правосудии. И тогда, при условии соблюдения установленных законом правил, в действие вступает механизм судебной защиты.

Само же субъективное материальное право, если предположить его ограниченность только правом-правомочием или правом-требованием, принудительно реализовано быть не может. Если оно не гарантировано государством через деятельность по отправлению правосудия или иным образом, оно не представляет ценности. Фактически можно даже предположить, что оно не является субъективным материальным правом, поскольку убеждение в его существовании и принадлежности конкретному лицу существует только в воображении такого субъекта. Установление конкретного права в законе без гарантий его защиты с высокой степенью вероятности приведёт к его игнорированию другими субъектами, а следовательно, к невозможности его реализации.

Данный подход к анализируемым категориям усугубляется также и тем, что материальное право фактически действует в «фоновом режиме»: декларируемые права, возможности, порядок и условия их реализации так и останутся в недрах правового регулирования, не имея практической ценности, если не будет внедрён и гарантирован механизм государственной защиты в случае их нарушения. Именно сочетание материально-правового регулирования соответствующих правоотношений с возможностью защиты вытекающих из них прав через процессуальное право в контексте возникновения процессуальных правоотношений с органами судебной власти у участников конкретных материальных правоотношений делает материальное право жизнеспособным. И напротив, процессуальное право, не будучи наполненным практическими ситуациями, само по себе также бесцельно, а деятельность по отправлению правосудия становится фикцией.

Интересен также вопрос судьбы материальных правоотношений при возникновении «сбоя» в реализации конкретных субъективных прав: вопрос о специфике таких правоотношений, усложнённых («опороченных») наличием спорной ситуации, также не входит в предмет правового регулирования ни материального, ни процессуального права. На первый взгляд, такое материальное правоотношение существует в контексте действующего правового регулирования в материальном праве и будто бы не имеет какой-либо специфики. Если обращение в суд лицом, чьё право нарушено, ещё не состоялось, материальное правоотношение якобы существует в первоначальном виде. Однако именно его спорность как раз и выступает той существенной особенностью, которая предопределяет особый характер нарушенного материального правоотношения, наличие сложностей в его практической реализации.

Здесь представляется важным осмыслить специфику таких правоотношений на этапе между возникновением спорности и обращением в суд. Само материальное правоотношение остаётся прежним,

характеризуется (обременяется) наличием спорности, но до момента рассмотрения и разрешения дела судом оно существует в контексте именно той его регламентации, которая предопределена его правовым регулированием в нормах материального права и договорными конструкциями, в которых это правоотношение возникло. Возможно, правовой конструкцией, способной выступить фундаментальной основой осмысления специфики спорных материальных отношений, ещё не обременённых фактом обращения в суд для восстановления и защиты нарушенного или оспариваемого права, может стать право на исполнение обязательств¹, имеющее как материальную, так и, отчасти, процессуальную окраску (поскольку данное право является непосредственным объектом защиты со стороны компетентного суда, например, в обязательственных правоотношениях).

Процессуальные правоотношения как бы надстраиваются над материальными. Они характеризуются установлением новой, процессуальной связи участников материального правоотношения (и иных вовлечённых в сферу судебного разбирательства лиц) с органом власти — судом. Но сам характер материального правоотношения остаётся прежним до момента вступления судебного акта в законную силу. При этом изменение (либо возникновение или прекращение) материального правоотношения происходит одновременно с прекращением процессуального правоотношения в момент вступления судебного акта суда первой инстанции в законную силу.

Данный подход предопределяет такую особенность деятельности по отправлению правосудия, как одновременное существование между участниками спора и материальных, и правоотношений.

При этом право на добровольное исполнение существует в двух ипостасях: право на добровольное исполнение обязательств (в контексте наличия либо неоспариваемого никем материального правоотношения, где реализуется материальное право в ситуации ненарушенности субъективного материального права, либо спорного материального правоотношения) и право на добровольное исполнение судебного акта. К субъектам данного права в обоих случаях относятся непосредственно управомоченные лица (кредитор или лицо, в чью пользу вынесен судебный акт). При этом вполне очевидно, что при реализации права на исполнение судебного акта его носителем может быть уже не кредитор, а то лицо, чьи субъективные материальные права были действительно защищены судом.

¹ Данное право является составной частью более общей категории — права на исполнение, включающей в себя право на исполнение обязательств и право на исполнение судебных актов. Каждое из них, в свою очередь, может подразделяться на право на добровольное исполнение и право на принудительное исполнение.

Учитывая недостаточное признание в правовой доктрине такого инструмента правовой защиты, как право на добровольное исполнение, следует признать, что его научное осмысление позволит и законодателю, и правоприменителю учитывать особенности существования и реализации спорного материального правоотношения до применения государственной защиты в виде деятельности по отправлению правосудия.

Взаимодействие материального и процессуального права показывает, что деятельность по отправлению правосудия формализует спорные материальные правоотношения, предполагает детальное осмысление их объектов, субъектов и содержания со стороны суда. В свою очередь, процессуальные правоотношения также проявляют свою жизнеспособность только через рассмотрение судом дела в рамках конкретного материального правоотношения. А правосудие фактически предопределяет реализацию предписаний материально-правовых норм и одновременно имеет право на существование только через реализацию конкретным лицом права-притязания путём обращения в компетентный суд. Таким образом, одним из условий правосудия является реализация субъективного материального права. В данной связи логично предположить, что существование и реформирование материальных и процессуальных норм, а также сопутствующих отраслей права, всегда должно производиться параллельно.

Возвращаясь к вопросам целевых установок правосудия, можно предположить, что общепринятое понимание цели правосудия по гражданским делам как защиты прав не учитывает важность обеспечения подлинной реализации подтверждённого судом права. Приравнивается ли факт подтверждения права судом к его «защите»? Или под последней следует понимать эффективное восстановление в правах (в самом широком смысле)? Как известно, высшие судебные инстанции Российской Федерации декларируют именно второй подход¹, но каково практическое значение таких установок?

Только лишь вынесением судом решения судебная защита не может быть обеспечена. Это можно рассматривать как один из важнейших этапов на пути к подлинно эффективной, реальной защите прав, но это не должно подменять собой, пусть даже терминологически, такую защиту.

¹ Защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт или акт иного уполномоченного органа своевременно не исполняется: Постановление Конституционного Суда РФ от 26.02.2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой» // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.12.2025 г.).

Если рассматривать термин «защита прав» с точки зрения действующей правовой регламентации в цивилистических процессуальных кодексах, сама констатация нарушенного права, указание в судебном акте обязанному лицу на действия, которые оно должно совершить (в контексте наличия судебных актов, вступивших в законную силу, когда стороны прошли через допустимые процедуры обжалования судебных актов (либо отказались от этого); речь идёт об итоговой точке в деле с точки зрения процессуальных регламентов), приводит к формированию предположения о том, что защита состоялась. Поскольку механизм судебной защиты себя исчерпал, судопроизводство завершено, значит, и продекларированные цели достигнуты. А поскольку цель — защита прав, значит, состоялась и защита прав.

Но фактически речь ведь идёт только о вынесении судебного акта (и его последующем вступлении в законную силу), только о завершении процедурно-процессуальной деятельности суда по конкретному делу, только о том, что правосудие как государственная деятельность свершилось. Получается, что лицу, управомоченному судебным актом, остаётся лишь получить исполнение такого акта в добровольном или принудительном порядке. Цели суда предопределены самим характером его деятельности — рассмотрением и разрешением конкретного дела — и не предполагают, при таком подходе, обеспечения реальной исполнимости судебного акта при помощи суда. Однако, как известно, существенные трудности в защите прав имеют место именно на этапе реализации права на исполнение (обязательств или судебных актов).

Представляется, что вступление решения суда в законную силу выступает как предпосылка для осуществления права на принудительное исполнение обязательства², одновременно являясь моментом возникновения права на исполнение судебных актов. Поэтому важно рассматривать цели правосудия не только с точки зрения публичной власти, но и с учётом интересов конкретных участников материальных правоотношений, чьё дело рассматривается (либо уже рассмотрено) в суде, поскольку судебная защита одновременно осуществляется и в целях обеспечения установленного порядка отправления правосудия, и в целях подлинной и эффективной защиты прав участников материальных правоотношений, попавших в сферу такой защиты. А право на исполнение как юридическая конструкция позволяет вывести цели судопроизводства из декларируемых установок в реальный инструмент защиты прав конкретных лиц.

² Право кредитора на добровольное исполнение обязательств может быть реализовано в любой момент, когда должник исполняет обязательство, независимо от судебных процедур. Вопрос лишь в том, существуют ли в правовой системе достаточные инструменты, позволяющие гарантировать реализацию такого права...

Учитывая различия в целевых установках правосудия с точки зрения лиц, участвующих в деле, и суда, возможно, есть смысл разделять цели правосудия:

- для суда достижением цели будет рассмотрение и разрешение дела, завершающееся вынесением итогового судебного акта и его последующим вступлением в законную силу, т. е. целью может выступать «завершение судопроизводства в установленном процессуальном регламенте с соблюдением всех требований действующего процессуального законодательства»;
- для лиц, участвующих в деле, целью судопроизводства может выступать обеспечение реальной исполнимости судебного акта, в добровольном или принудительном порядке. Очевидно, что речь идёт о лице, получившем судебный акт в свою пользу. Для иных лиц, участвующих в деле, целью судопроизводства как государственной деятельности может выступать рассмотрение судом дела в установленном процессуальном порядке. Учитывая, что обеспечить

добровольную или принудительную исполнимость судебного акта суд не может, как цель судопроизводства для лиц, участвующих в деле, можно рассматривать «рассмотрение судом дела в установленном порядке», но не защиту прав.

Указанная «двойственность» целей вполне допустима, учитывая разнообразие подходов к целям правосудия в доктрине процессуального права. Вполне возможно, есть смысл отказаться от рассмотрения целевых установок судопроизводства в процессуальных кодексах, звучащих как «защита прав», а также переосмыслить в этой связи правовую конструкцию «судебная защита». На конституционные основы российского правосудия это не повлияет, поскольку не противоречит ни ст. 45 Конституции РФ (государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется), ни ст. 46 Конституции РФ (каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод).

Список источников

1. Арбитражный процесс : учебник; отв. ред. В. В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017.
2. Курочкин С. А. Эффективность гражданского и арбитражного судопроизводства. М. : ИД «Городец», 2024.
3. Мирзоева Р. Г., Харченко А. Ф. Основные процедуры системных исследований. СПб., 2000.
4. Лебедев М. Ю. Судебная защита как цель гражданского судопроизводства. Саратов : Изд-во Саратов. Гос. юрид. акад., 2025.
5. Общая теория права : курс в 2 т. Т. 2 / С. С. Алексеев. Москва : Юрид. лит., 1982. С. 118–120.
6. Рязановский В. А. Единство процесса. М., 2005.

References

1. Arbitration Procedure: Textbook. Edited by VV Yarkov. 7th edition, revised and expanded. Moscow: Statut. 2017. (In Russ.).
2. Kurochkin SA. The Effectiveness of Civil and Arbitration Proceedings. Moscow: Gorodets Publishing House. 2024. (In Russ.).
3. Mirzoeva RG, Kharchenko AF. Basic Procedures of System Research. St. Petersburg, 2000. (In Russ.).
4. Lebedev MYu. Judicial Protection as the Objective of Civil Procedure. Saratov: Saratov State Law Academy. 2025. (In Russ.).
5. General theory of law: Course in 2 volumes. Vol. 2. SS Alekseev. Moscow: Jurid. lit., 1982. (In Russ.).
6. Ryazanovsky VA. Unity of the Process. Moscow. 2005. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Н. Кузнецов — заведующий учебно-научной лабораторией правовых исследований института права; профессор кафедры гражданского права и процесса, доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

E. N. Kuznetsov — Head of the Educational and Scientific Laboratory of Legal Research at the Institute of Law; Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 20.03.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 20.03.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.